

ЯЗЫКОЗНАНИЕ. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ. ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ОСЕТИНСКАЯ ЛЕКСЕМА БÆХ / ВÆН В ЭТИМОЛОГИЧЕСКОМ ОСВЕЩЕНИИ

Э.Т. Гутиева
Э.Б. Сагцаев

Отсутствие убедительной реконструкции осетинской лексемы **бæх/вæн** «конь, лошадь» обуславливает необходимость рассматривать совокупность всех возможных подходов к её этимологическому развитию, не исключая, что **бæх** может быть свидетельством кавказского субстрата, иметь заимствованный характер, индоевропейское или иранское происхождение, либо являться собственно аланской инновацией. Данное слово может быть результатом генерализации семантически более узкого термина, метафорического переноса или отэпонимным образованием. Теория о субстратности слова **бæх** вызывает споры с момента её возникновения, критически следует осмыслить такие факторы как уязвимость собственно субстратности осетинского языка, т.к. единичность примеров данного явления оставляет вопрос о влиянии языка аборигенного населения на язык предков осетин открытым. Недостаточным для обоснования субстратности **бæх** представляется количество приводимых параллелей в кавказских языках, тогда как отмечено широкое распространение корня за пределами Кавказа. Кроме того, эти параллели зафиксированы только в близкородственных друг другу нахских языках, и данные рефлекссы являются гипонимами осетинской лексемы. Осетинское **бæх/вæн** рассматривается рядом исследователей как тюркизм, ре-заимствованный со временем в тюркские языки, где он главным образом представлен в виде инициального элемента композитного образования **бахмат**. Гипотеза об иранском происхождении осетинского слова и о возможном иранском этимоне восходит к Г. Бейли и, на наш взгляд, является плодотворной для дальнейшего развития. Такая этимология объединяет в систему когнатов разрозненные факты наличия в индоевропейских языках экспонента со сходным фонетическим обликом и близкой семантикой. В качестве возможного этимона **бæх/вæн** предлагается рассматривать корень в индо-иранских языках со значением «молодое животное». Целесообразно не исключать из круга возможных когнатов **бæх/вæн** и слова со значением «самец», «самец животного», т.к. подобное идеосемантическое развитие отмечено у соответствующих лексем в целом ряде языков.

Ключевые слова: гипологическая лексика, иппоним, субстрат, аланизм, тюркизм, заимствование, этимология, этимон

*Reviewing existing theories on the etymological development of the Ossetian lexeme **бæх/вæн** «horse, mare» suggests imperative to consider the whole complex of possible approaches and options:*

*it can be a substrate word or a loan from a non-Indo-European language, it can be traced back to Indo-European or Iranian etymon, it can be Alan innovation proper. This word can be the result of a generalization of a semantic The substratum character of the word **bæh** causes controversy from the moment of its appearance, it is critical to understand such factors as the vulnerability of the substratum nature of the Ossetian language, the singularity of the examples of this phenomenon leaves the question of the influence of the language of the aboriginal population on the language of the Ossetian ancestors open. The number of the parallels in the Caucasian languages is insufficient to justify the substratum approach, while outside the Caucasus the reflexes of the root are quite numerous. In addition, Caucasian reflexes are recorded only in closely related Nakh languages, and these reflexes are hyponyms of the Ossetian lexeme. Ossetian **bæh** is regarded by a number of researchers as Turkism, re-borrowed over time into Turkic languages, where it is mainly represented as an initial element of the composite formation of **bahmat**. The hypothesis about the Iranian origin of the Ossetian word and the possible Iranian etymon goes back to H. Bailey and, in our opinion, is fruitful for further development. Such etymology unites into a system of cognates the facts scattered in the Indo-European languages, where phonetically and semantically similar exponent is recorded. We also bring into focus the Indo-Iranian root with the meaning «young animal». It is suggested not to disregard as possible cognates of **bæx/bæh** words with the meaning «male», «male animal». Similar semantic development is noted in such lexemes in quite a number of languages.*

Keywords: hippological lexicon, hipponim, substrate, Alanism, Turkism, loanword, etymology, etymon.

Доминантой группы гиппологической лексики в осетинском языке является слово **бæх/bæh** 'конь, лошадь', традиционно рассматриваемое как кавказское. Тот факт, что в форме **bax** 'лошадь' ('*ecus*' (*equus*?) оно зафиксировано в яском глоссарии 1422 г., из 35 слов которого 10 зоонимы, позволяет считать его общеаланским. Существует еще целый ряд альтернативных этимологий, что свидетельствует о том, что дискуссия относительно хода этимологического развития **бæх/bax** остается открытой.

Зоонимы представляют собой высокоинформативную часть словаря любой этноязыковой общности, хотя необходимо их ранжирование по степени значимости для социума тех или иных животных и, соответственно, по степени значимости культурологической информации их означающей.

Для сарматов, алан, предков современных осетин кони и верховая езда стали факторами, определившими их исторические судьбы и значение в период поздней античности и раннего

средневековья. Эволюция лошади как биологического вида от маленького зверька в крупное непарнокопытное животное *Equus caballus* и его одомашнивание (по самым поздним подсчетам, ранее 2000 лет до н.э.) произошли задолго до сарматов, алан, но именно они вслед за скифами возвели искусство использования этих животных на небывалую высоту.

Во II тыс. до н.э., переместившись в Переднюю и Малую Азию, иранские народы принесли сюда искусство использования коней в боевых колесницах. Это послужило причиной широкого распространения коневодства в этом регионе. В составленном в XIV в. до н.э. митаннийцем Киккули трактате о коневодстве, обнаруженном в Хеттском архиве в Малой Азии, встречаются термины иранского происхождения с конными соревнованиями [1, 56].

Военная мощь этих народов определялась их умением вести конный бой, искусством наездников и конезаводчиков [2, 90]. Они преодолевали огромные

расстояния, превратив протяженные и прежде труднопреодолимые степи Евразии в «коридор трансконтинентальной коммуникации» [3, 6].

Показательно, что уже в ранних источниках о сарматах, аланах содержатся упоминания об их конях [4, 52, 116].

Совершенно естественно, что такое важное место лошадей в жизни алан должно было определять количество слов в их языке, имеющих денотатом это животное. Очевидно, что у «быстрых конников» (*acceleravitequis*) Клавдиана или «катафрактариев» (*катафрактос*) Арриана не могло быть недостатка в словах, предидирующих скакунов, и было более одного их наименования у данных скотоводческих или, точнее, коневодческих (*horse nations*) народов. По всей видимости, группа гиппологической лексики была достаточно обширной и детальной.

Для осетин, потомков сармат, алан, в изменившихся исторических условиях и в замкнутой высокогорной географической нише, тем не менее, роль коня является преемственно значимой. Эта преемственность подтверждается данными истории, археологии, этнографии, культурологии, эпическим материалом.

Кони в нартовском эпосе пользуются не меньшей известностью, чем сами герои. Из всех животных в нартовском эпосе только конь и собака введены в антропологический миф, в соответствии с которым первый земной конь и первая земная собака произошли от небесного коня и собаки.

По мнению Ж. Дюмезиля, «почти все сказания говорят о том, сколь важную роль играли кони в жизни Нартов... без них хозяева немного бы стоили, с

ними же не боятся ничего [5, 35]. Каждый герой и действующее лицо в сказаниях о нартах, эпосе осетин, в первую очередь, — могучий всадник, обладатель коня выдающихся достоинств, как, например, нарт Сослан на своем могучем коне-бурегоне (*æ уадаемдзо æма мегъæнуайæн бæхбæл*) [6, 835]. Языковым свидетельством важности роли коня является факт разработанности группы гиппологической лексики, которая в осетинском языке превышает 30 единиц. У корня *бæх* выраженная деривационная активность. В паремиологическом фонде осетинского языка более 150 фразеологических единиц с прямой номинацией *бæх*.

Особая роль лошадей в военных операциях и миграциях и сарматов, и алан, быту и культуре осетин могла способствовать тому, что названий этих непарнокопытных животных в их языках было относительно много.

Релевантными в ономазиологическом отношении могли быть порода, пол, возраст, экстерьерные признаки, роль в хозяйственной и военной деятельности или при отправлении религиозных культов и т.д. Как, например, в русском языке, в котором, по совокупным данным современных словарей — идеографических, синонимических или словарей смешанного типа, — отмечено более тридцати названий «животных семейства лошадиных»: общих номинаций, названий по полу, возрасту и функции, которые объединяются вокруг двух бесспорных доминант семантического поля и синонимического ряда: лошадь и конь [7, 68].

Зачастую именно наиболее приоритетные и центральные для конкретного этноса зоонимы становятся этимологическими головоломками, т.к. их функ-

ционирование в языке глубоко мотивировано социокультурными факторами. Известно, что «отношение к лошади складывалось в гораздо более глубоком и развитом культурном контексте, выделившем ее терминологию из группы названий домашних животных вообще» [8, 73].

Исконные слова могли заменяться табуистическими названиями. Показательно, что в отношении локализации прародины прауральцев/уральских языков гипотезы выдвигаются главным образом на основании семантической реконструкции названий деревьев, потому что, как отмечает П. Хайду, названия животных во многих языках были табуированы, и их реконструкция очень сложна [9, 5].

В свете вышесказанного для анализа алано-осетинского *баех* необходимо рассматривать совокупность всех возможных подходов, не исключая, что слово может быть субстратным, иметь заимствованный характер, индоевропейское или иранское происхождение, либо являться собственно аланской инновацией. Оно может быть результатом генерализации более семантически узкого термина, метафорического переноса или отэпонимным образованием.

Наиболее разработанным является подход к данному слову как к субстратному слову. Собственно, в самой теории о двуприродности осетинского языка, наряду со словом *лаег* 'мужчина, муж, человек', слово *баех* является одним из ее главных лексических маркеров.

Осетины-аланы и их предки проживают на Кавказе не менее двух с половиной тысячелетий и находятся в тесном взаимодействии с народами кавказского этнического круга. Эти длительные связи оставили след в этнической

культуре и в языке осетин. Осетинский язык надежно идентифицирован как северо-восточный иранский язык, который в силу специфических условий исторического развития имеет больше сходных черт с древними иранскими языками, чем с новоиранскими.

Для доказательства наличия кавказского субстрата в осетинской лексике В. И. Абаев в качестве примера приводит семь слов из основного лексического фонда [10, 78]. Это количество представляется недостаточным для обоснования наличия лексического субстрата в осетинском языке. К тому же, приводимые лексемы не находят аналогий в каком-либо одном кавказском языке, и их кавказское происхождение оспаривается рядом исследователей.

Абаев относит и слово *баех* к «субстратному (кавказскому) слою слов осетинского языка, которые тяготеют к чечено-ингушской среде», и в качестве источника заимствования приводит чеченское *beqhi* и ингушское *baqh* 'жеребенок'. Заимствование, по его мнению, тем более показательное и значимое, что «предки осетин, аланы, славились повсюду своей замечательной конницей» [11, 256].

Помимо слова *лаег*, индоевропейское происхождение которого полагает целый ряд ученых, нам кажется не лишним основания проверить на возможное некавказское происхождение и осетинское *баех*.

Контраргумент субстратности корня — представленность во многих языках его рефлексов: арабский, тюркские, ряд индоевропейских, финно-угорские, т.е. фонетически сходные слова с непротиворечивым семантическим развитием можно отметить как в индоевропейских, так и в не индоевропейских

языках. Обращает на себя внимание обозначение кобылы в баскском: *behor*, а турецкое *beygir* 'лошадь, конь' является наиболее семантически близким осетинскому *бах*.

Субстратное происхождение не объясняет широкое распространение корня за пределами Кавказа, хотя локальный гипоним ограниченного характера теоретически мог распространиться за пределы региона с расширением семантического объема. Так, И. Г. Добродомов выступает против субстратной природы осетинского слова, т.к. в таком случае не получает обоснования слово *бах* 'старая или заморенная лошадь, кляча' в русских вятских говорах, которое, по его мнению, представляет собой «региональный аланизм русского языка» [12].

Следующее возражение основывается на ограниченном характере представленности корня в собственно кавказских языках: его рефлекс отмечены только в близкородственных друг другу нахских языках, носители которых являются историческими соседями алан-осетин. Данное обстоятельство позволяет допускать факт достаточно раннего заимствования, вектор которого нуждается в уточнении.

Определенный процент осетинской лексики составляют заимствования из кавказских языков, но и в них в свою очередь отмечены слова, носящие аланское, осетинское происхождение.

Процесс заимствований иноязычных слов в осетинском языке наблюдается с древнейших времен и не прекращается и поныне. Лексика иноязычного происхождения проникает в осетинский язык благодаря его легкой проницаемости. Заимствования являются одним из главных источников попол-

нения словарных запасов осетинского языка.

Заимствованная лексика носит в основном конкретно-исторический специальный характер, что обусловлено определенными условиями природы, хозяйства и культуры. Специальный обогатительный фонд может в самых широких размерах пополняться, тогда как заимствование слов в основном фонде возможно, как правило, в ограниченных размерах [10, 16].

Сам факт инкорпорации важного термина из языка соседних народов — достаточно распространенное явление, обусловленное факторами интра- и экстралингвистического характера. Например, согласно наиболее распространенной гипотезе о происхождении слова *лошадь*, эта важная для русской лингвокультуры лексема, возможно, заимствована из тюркских языков [13; 14], хотя, по мнению Добродомова, слово *лошадь* имеет не тюркское, а славянское происхождение [15]. Но, в отличие от осетинского и нахских слов, в данном случае значение русского рефлекса практически эквивалентно тюркскому прототипу.

В качестве контраргументов субстратности корня *бах* можно привести и то, что в тех кавказских языках (чеченском, ингушском, имеретинском), где он отмечен, его рефлекс являются гипонимными по отношению к осетинскому слову. Наблюдения о вероятностных семантических изменениях при заимствовании показывают, что обычно в языке-доноре слово имеет более общее значение, чем в языке-реципиенте. Показательно, что в имеретинском языке в значении 'кляча' рефлекс корня также является гипонимом, но противоположного характера и обладает вы-

раженной отрицательной коннотацией. В словарной статье *бæх* «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В.И. Абаев пишет, что «слово, означающее у одного народа вообще «лошадь», получает нередко у соседей насмешливое значение «кляча» и т.п.», подкрепляя данный тезис примером немецкого *Ross* 'конь' и французского *rosse* 'кляча' [11, 256]. Если мы правильно интерпретируем данное положение, автор полагает, что в имеретинский язык слово попало через посредство осетинского. Но, нельзя исключать, что именно осетинское слово в своем значении 'конь, лошадь' могло служить источником не только для слова, обозначающего 'кляча' у южных соседей, но и для развития в 'жеребенка' в восточном направлении. Подобно тому, как приводившееся выше, возможно, неисконное русское *лошадь* признается источником украинского *лоша́* 'жеребенок' и *лошак* 'молодой жеребчик', сами эти слова в украинский язык могли попасть и непосредственно из тюркских. Но в любом случае в языке-доноре происходит семантическое сужение заимствования.

Добродомов полагает, что, вероятно, «название жеребенка в вайнахских языках (чечен. *beqhi*, орфогр. *бекъа*; ингуш. *baqh*, орфогр. *бакъ*), считавшееся кавказским источником для осет. *бæх*, само является заимствованием из осетинского языка». Однако он не считает этот корень собственно аланским, по его мнению, это «аланский тюркизм», и слово было заимствовано аланским из тюркских. Автор считает, что присутствие слова в яском глоссарии свидетельствует «в пользу тюркского происхождения», и оно было занесено в Венгрию с Украины, а не с Кавказа, как

было принято считать ранее [16, 27]. Однако в связи с тем, что яские глоссы соотносят с осетинскими корнями по признаку генетической общности языков, нам представляется, что данный факт свидетельствует в пользу иранского, а не тюркского происхождения данного слова.

Существует статистика по наиболее проницаемым и по наиболее резистентным к заимствованию группам слов. С очевидностью зоонимы не относятся к последним: примеры проникновения иноязычных слов не только для обозначения новых экзотических для языкового социума животных, но для домашних и одомашненных животных, многочисленны в большинстве языков. Возможно, особенностью групп гиппологической лексики является то, что они и проницаемы для заимствований, и одновременно наиболее резистентны к эрозии. Положение о том, что «наиболее устойчивы родовые названия лошади, развитие же происходит в основном за счет терминов со специфическими значениями» [8, 72], верно лишь отчасти.

Так, в целом ряде индоевропейских языков рефлекс общего корня **equus* не являются основными номинациями 'конь, лошадь'. О.Н. Трубачёв считал необходимым рассматривать данное явление в первую очередь как лингвистическую проблему, т.е. «искать причину в местном своеобразии развития соответствующих форм языка, а не в позднем знакомстве славян с лошадью или в длительном влиянии со стороны других народов, более сведущих в коневодстве» [17, 329]. На его взгляд, как типичный общий термин для животного, который относился как к мужской, так и к женской особи, **equus* плохо

подходил для этой роли. В связи с данным обстоятельством общий, родовой термин в славянском фактически отсутствует. Напротив, существуют уже с праславянской эпохи названия *конь* и *кобыла*, обозначающие самца и самку, детализирующие половое значение славянских названий и их отношение — как новообразований — к древним индоевропейским названиям [17, 328]. Общий корень **ekwo-* был утрачен и германскими языками, возможно, «в силу суеверий, предписывающих не произносить название, а этимология общегерманского **hursa-* (английское *horse*), признается неясной за пределами группы» [18].

Самым ранним заимствованием из арабского в древнеанглийский язык считается слово *ealfara* со значением тягловая лошадь (*pack-horse*), даже если оно проникло через посредство французского [19; 20].

В результате кумуляции слов различного происхождения группы гиппологической лексики во многих известных языках достаточно разработаны и отражают разные стадии языкового развития и межъязыковых контактов. Так, многие «названия лошади ограничены пределами одного или нескольких славянских языков и весьма пестры по составу: большая их часть заимствована из других языков, некоторые представляют собой поздние новообразования» [17, 333].

Большой интерес представляет материал, приводимый Добродомовым, который в результате анализа слов различных языков, фонетически и семантически близких осетинскому *баех*, считает возможным относить чувашское *пах* и его производные к аланскому пласту иранских заимствований

чувашского языка. Чувашский язык является архаичным тюркским языком, и аланы многократно сталкивались с предками чувашей. В истории известен народ буртасы, которых ученые считают смешением аланов с тюрками и угро-финнами [21].

Аргументом в гипотезе о тюркском происхождении осетинской лексемы является слово *бахмат/baxmat*. Сложное слово *бахмат*, которое в соответствии с данной гипотезой могло быть источником осетинского *баех*, имеет когнаты во многих языках: татарском, арабском, украинском, старобелорусском, старопольском, румынском, молдавском, русском. *Бахмат* в толковом словаре живого великорусского языка В. Даля снабжено пометой «стар. татарск», указывающей на статус заимствования, язык-донор, и дано в значении «малорослая, крепкая лошадевка; клепер, пони, клячонка, маштак, маштачок» [22, 56].

Г. Ф. Одинцов называет *бахмат* архаизмом, ограниченным историзмом в художественной литературе и фольклоре, что затрудняет его однозначную дефиницию, хотя во многих контекстах его значение выводимо как «ценный, обычно боевой конь» [23, 111-112]. Когнаты данного корня в различных языках интерпретируются как: малорослая, крепкая лошадевка, кличка коня, конь, татарский конь, выносливый конь татарской породы, верховой конь, вьючный конь, низкорослый конь, татарский, ногайский конь, маленькая татарская лошадевка, название породы лошадей, фамилия [24, 287-288].

Слово считается тюркизмом, и старорусское *бахмат* «ногайская лошадевка, боевой конь», польское *bachmat*, молдавско-румынское *bahmét, bahomét*,

возможные рефлексy в украинском, белорусском, редкое арабское *bahim* 'конь чистой масти', старое кыпчакское название ценного боевого коня *бахмат*, название татарских коней *рачмат*, приводимое в книге дипломата XVI в. С. Герберштейна [25], и *baquemates* у Ф. Боплана XVII в. также считаются тюркизмами, хотя, по мнению Добродомова, это противоречит характеру ударения на первый слог, и «удовлетворительное объяснение оно получает на аланской почве (особенно в диалектах типа иронского наречия осетинского языка)» [12, 40]. Ввиду акцентного противоречия данные слова считаются ре-заимствованными из аланского, и реконструируются на основе тюркских языков, *бах* и сходные с ним могут быть объяснены как результат сокращения *бахмат*. В соответствии с данной гипотезой, **baeh* было заимствовано в аланский, прошло стадию морфологического опрощения в нем и в такой форме вновь попало в тюркские языки: **bahmat < *baeh > *bah*, хотя собственно в современных тюркских языках констатируется его отсутствие.

Для самого *bahmat/бахмат* существует ряд этимологий, среди которых ни одна не может считаться достаточно надежной.

Согласно мнению К. Г. Менгеса, О. Н. Трубочёва, русское и украинское диалектное «*бахмат, бахмет* — маленькая крепкая лошадка, и польское *bachmat* представляют собой вариант мусульманского имени собственного *Mähmäd, Магомет, Мухмат*» [17, 337]. В таком случае сходство между осетинской лексемой и первым элементом данного диалектизма является результатом искажения и последующего случайного созвучия.

Альтернативная этимология предлагает арабское происхождение тюркского слова: *baj+ (a) hmet < ar. Ahmad* 'похвальный'.

Этимология Фр. Миклошича позволяет выделить татарское *рачнат* от персидского *pehn* 'широкий, большой' и тюркское *at* 'лошадь', что представляется М. Фасмеру «весьма маловероятным» [26, 136-137].

Прототип лексемы *бахматъ* реконструируется, по мнению Добродомова, на основе тюркского словосочетания **бахмаат* 'домашний (прирученный) конь', состоящее из двух лексем: *бахма* — 'прирученный, домашний' и общетюркского названия лошади — *ат* [12]. В живой речи «это сочетание проносилось со стяжением гласных на стыке компонентов словосочетания как **бахмат*. Согласный *к*, особенно в положении перед следующим смычным, легко спирантизируется, переходя в *х*; отсюда и тюркская форма **бахмат*, весьма близкая к русской. Сочетание *бахмаат* «домашний конь» было оправданным для времени существования диких коней, а с их исчезновением оно утратило актуальность и выпало из языка» [12, 39].

На наш взгляд, инициальный элемент сложного *бах-мат* можно этимологизировать из иранских языков: персидского (как у Фр. Миклошича) или осетинского, и если — (*м*) *ат* тюркского происхождения, то нетюркское происхождение первого *бах-* не исключается. *Бах-мат* может быть гибридным иранско-тюркским образованием.

Возможно, тюркское слово *baxmat* состоит из двух элементов *baxemat*, где *bax* совпадает с осетинским *baeh*, а (*т*) *ат* в тюркских языках означает 'лошадь'.

И, возможно, речь тогда идет не о «ре-заимствовании» корня *бах-* в

тюркские из аланского, а о его преемственном свободном функционировании в осетинском и связном функционировании в тюркских языках.

Добродомов отмечает роль алан в распространении термина, но считает его тюркизмом, подвергшимся в языке алан опрощению и превратившемся в доминанту, оттеснив общеиндоевропейский корень. Однако на основании корпуса данных, собранных Добродомовым, можно полагать и другое происхождение термина. Не исключено, что это было аланское слово, которое было заимствовано в другие языки, в том числе и в тюркские, где стало частью композитного образования. В терминах таксономии самого Добродомова, «аланский тюркизм» может оказаться «тюркским аланизмом».

Обращение к другим индоевропейским языкам делает возможным пересмотр теории о тюркском происхождении осетинской лексемы: она может являться развитием общеиндоевропейского корня, либо это корень неустановленного пока происхождения, который распространялся и стал результатом взаимовлияния языков и культур.

Теория субстратности данного корня возникла и развивалась в отсутствии родственных лексем в других индоевропейских языках. Однако, на наш взгляд, следует несколько уточнить и изменить подход к данному вопросу. Необходимость проверки и коррекции некоторых реконструкций высказывалась, в частности, Д. И. Эдельман, отметившей, что «этимологии некоторых слов у разных исследователей могут не совпадать» [27, 5]. Относительно иранских языков нельзя считать, что когнатов осетинскому *баех* не установлено.

Существует известная иранская этимология *баех*, предложенная Г. Бейли, которая фактически является частью его рассуждений об иранском, точнее хотаносакском слове. В хотаносакском, т.е. в языке ираноязычных кочевых и полукочевых племен I тыс. до н. э. — первых веков н.э., восточной ветви скифских народов [28], отмечено *baji* — ‘быстрое животное (?), конь’. В Словаре хотаносакского языка в соответствующей словарной статье автор ищет родственные *baji* слова и приводит в пример древнеиндийское *vacydte*, *vanku* — ‘конь’ и осетинское *баех*. Бейли возражает против отнесения к кавказскому субстрату осетинской лексемы и рассматривает также экстралингвистические факторы: конь — это не животное гор, и, следовательно, в чеченский, ингушский проникло из осетинского как название коня, так и название повозки *wardon* [29, 265]. Не исключено, что у *baji* могло быть развитое деривационное гнездо, так, кроме него отмечена лексема *bajsa* — ‘пах лошади’.

Обращаем внимание на оформление значений хотаносакского слова *baji*: (*swift animal* (?), *horse*). Значение ‘быстрое животное’ снабжено вопросительным знаком, тогда как значение ‘конь’, видимо, вопросов не вызывает, кроме того, оно однозначно и наглядно подтверждается примером из сакских документов [30] и, как было сказано выше, параллелями из древнеиндийского и осетинского. Таким образом, слова с минимальной фонетической и семантической дистанцией отмечены, по крайней мере, в трех языках, что является основанием для допущения о неслучайности алгоритма подобного их развития в данных языках и для признания их когнатами.

В поисках этимона хотаносакского и осетинского слов Бейли останавливается на корне *vak-*, *vač-* ‘быстро идти’, рассматривая его превращение в иппоним через постоянный эпитет коня — ‘стремительный, быстрый’ [29, 265].

Идеосемантические параллели такого развития отмечены в целом ряде индийских языков [31, 149; 32, 244; 33, 135], что подтверждает обоснованность подобной реконструкции в осетинском языке. Приводившийся выше эпитет коня-бурегона нартовского Сослана в форме дигорского прилагательного *уадæмдзо* и его иронского варианта *уадæмдых* дословно можно перевести как ‘не отстающий от бури’, ‘стремительный как буря’. В пользу подобного семантического развития свидетельствует и разбивавшееся уже слово *бах-(м) ам*, т.к. если вторая часть — это тюркский корень со значением ‘конь, лошадь’, то первый элемент, по всей вероятности, выполняет атрибутирующую функцию и предикцирует наиболее очевидное преимущество животного.

Фонетическое развитие *vak->bæh*, по мнению Ю. А. Дзиццойты, поддается непротиворечивому объяснению, несмотря на возражения Дж. Чёнга [34, 25], в сакском языке качество инициального согласного такое же, как в осетинском. Если такое фонетическое развитие принципиально возможно, то нам представляется, что можно найти по крайней мере более одного иранского корня, который мог бы быть рассматриваем в качестве этимона и хотаносакского, и осетинского слова.

Данную часть следует предварить рассуждением о подходах к поискам и необходимости расширить круг потенциально возможных когнатов. Известно, что в ряде случаев происходит

семантический сдвиг по следующей траектории: самец > самец животного > самец определенного животного. Зачастую вид животного — это вариативный элемент. Так, балтийское слово для названия коня, жеребца, лошади (литовское *žirgas*, прусское *sirgis*, латышское *zirgs*) в финно-угорских обозначает вола (финское *bärkä*, эстонское *barg*, ливское *ärğa*) [35]. В тюркских языках существуют слова *түшөк* и *шүшөк* ‘двухгодовалый баран или животное вообще’ или ‘трехлетняя лошадь’ [36, 11].

Наглядной иллюстрацией рефлексной многозначности может служить общеиндоевропейский корень **wiHrós* — с той или иной степенью специфичности значений ‘самец’ и ‘самец животного определенного вида’ он представлен во всех иранских языках: является номинацией человека от общенейтральной до имеющей оценочное значение, встречается в системе терминов родства, но наряду с этим широко представлен в гурешском диалекте шинского — *Bir*, *bira* ‘самец верблюда, баран, козёл’, дамели — *bira* ‘самец’, в непальском — *bir* ‘кабан’ [37, 697].

Название для, например, вьючного животного может переноситься с одного вида на другое при изменении географической ниши: осетинское *смур-/stur* является развитием иранского корня со значением ‘верблюд’.

Мы считаем не лишним основания искать когнаты осетинского корня *bæh* в индоевропейских языках в более или менее специфическом значении.

Пример для иллюстрации амплитуды значений слов **wiHrós* взят из Словаря индо-арийских слов Тёрнера, но в данном словаре можно найти и пример возможных этимонов для рассматрива-

емого корня. Под порядковым номером 11241 приводится корень *vatsatará*, с архисемой 'молодое животное', среди значений которого в разных языках: бычок — козел — теленок — жеребенок — олененок (*young bull or goat before weaning or copulation — calf — colt — foal*). Особенно обращаем внимание на развитие данного корня в ряде языков: WPah.bhal. *bachéro* m., bhid. *bacherətu* 'оленок' (*tiny foal*); Ku.gng. *bacher* 'теленек' (*calf*); Or. *bācharā*, *bach* 'молодое животное' (особенно про коня) (*young of animal (esp. of horse)*), *bācharī* 'calf'; Н. *bacherā* m. 'жеребенок, теленок' (*colt, calf*), *bacherā* m. (<**bacherā*? 'жеребенок' (*colt*), Vi. *bacherā* [37, 656].

Относительно афганского *bāx* 'конь с белой звездочкой на лбу и в белых чулках', «едва ли сюда относящегося», Добродомовым допускается случайное созвучие общего названия лошади в осетинском [16], тогда как, на наш взгляд, афганскую и осетинскую лексемы можно рассматривать как рефлексии одного корня, претерпевшие противоположенное семантическое развитие: конкретизацию и генерализацию соответственно.

Ю. А. Дзицойты, рассмотревший исчерпывающий список иппонимов в осетинском языке, приходит к выводу о том, что их основная часть «по происхождению исконно осетинская, т.е. иранская», отмечая, что *bæx* является не общеиранским, а восточноиранским словом [33].

Bæx, возможно, связан со словами *bajrag* 'жеребенок' и *barag* 'всадник' от древнеиранской основы *bar* 'ездить верхом' (*bar* в авестийском, *bar* в древнеперсидском).

Осетинский не сохранил глагольных форм этой основы, но в нем удержались

две причастные формы на *-ag* и на *-æg*: *bajrag* 'жеребенок', 'предназначенный для верховой езды' и *barag* 'всадник' [11, 232].

По мнению В. И. Абаева, исчезновению глагола *bar (ti)* в значении 'ездить верхом' способствовало, вероятно, то, что в осетинском есть уже два глагола такого же звучания: *baryn* 'взвешивать' и *baryn* 'прощать' [11, 237].

Из многочисленных иранских соответствий этих слов можно прежде всего отметить согдийское *bārāččik* 'верховая лошадь' и *bāryh* 'всадник', а также памирский сарыкольский *worak* 'лошадь' и персидское слово *bāragi* 'лошадь' [11, 237]. Эти соответствия восходят к древнеиранским основам, которые возникли от древнеиранского корня *bār* 'ездить верхом'.

Праиранский долгий *ā* в основе *bār* в современном осетинском языке закономерно дает *æ* перед согласными, особенно перед их группами. К сожалению, мы не имеем хронологических материалов по развитию осетинского языка, но мы можем сравнить богатый лексический материал наиболее близкого к осетинскому языку согдийского языка, относящегося к VIII-IX вв. н.э. Согдийскому долготу *ā* соответствует осетинское *æ*, а стяжение *-ryh* или *-rakčik* идентично осетинской фонеме *x*, и получается осетинское *bæx* [38, 320].

Как видно, из иранских языков в фонетическом плане к осетинскому *bæx* наиболее близка согдийская лексема *bāryh*, где налицо наличие корня *bār* 'ездить верхом', а также персидское слово *bāragi* 'лошадь'.

Не исключено, что лексемы *barag*, *bajrag* и *bæx* — когнаты и восходят к иранской основе *bār (ti)* 'ездить верхом'.

В ряде гипотез полагается превращение эпитета в термин: иранского 'быстрый, стремительный', тюркского 'одомашненный, прирученный', иранского 'просторный, широкий'.

На наш взгляд, слово *баех/баех* является развитием иранского протокорня. Оно, несомненно, восходит к аланскому периоду развития языка и впоследствии было унаследовано осетинским языком в качестве родового термина 'конь, лошадь'. Не исключено,

что когнаты осетинской лексемы могли развиваться в других языках по несколько отличной семантической траектории.

Представленность экспонента *баех/баех* во многих языках заслуживает более пристального внимания исследователей, т.к. правильная его ретроспекция могла бы пролить свет не только на развитие осетинского языка, но и на вопросы взаимовлияния языков, миграции слов, формирования гиппологических терминов.

1. Оранский И. М. Введение в иранскую филологию. М., 1988.
2. Syvonne I. Military History of Late Rome 284-361. UK, Croydon, 2015.
3. Anthony D. The horse, the wheel, and language. Princeton: Princeton University Press. 2007.
4. Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.
5. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
6. Нарты кадджытæ. Дзæуджыхъæу, 2004. (на осет. яз.)
7. Химик В. В. Лошадь или конь? (опыт сравнительного лексикографического анализа) // Филологический класс. № 2 (36). 2014. С. 6872.
8. Сквайре Ё. Р. Древнеисландская гиппологическая лексика // IX всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии. Тарту, 1982. Ч. 2. С. 7273.
9. Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.
10. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. М.-Л., 1949. Т. I.
11. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Ленинград, 1958. Т. I.
12. Добродомов И. Г. О некоторых гиппологизмах и созвучных словах: Из аланского пласта иранских заимствований чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 37-42.
13. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1967. Т. II.
14. Кожевникова Е. А. Тюркизмы в современном русском языке // Грани познания. 2009. № 1 (2). С. 21-29.
15. Добродомов И. Г. Слово «лошадь» в этимологическом аспекте // Русский язык в школе. 1994. № 1. С. 90-92.
16. Добродомов И. Г. Об аланизмах в русском языке // Осетинская филология: межвуз. сб. ст. Орджоникидзе, 1981. Вып. 2. С. 37-42.

17. Трубочёв О. Н. Труды по этимологии. Слово. История. Культура. М., 2018. Т. 3.
18. Horse // Online Etymology Dictionary [электронный ресурс]. URL: <https://www.etymonline.com/word/horse>
19. Breeze A. Old English Ealfara, 'Pack-Horse': A Spanish — Arabic Loanword // Notes and Queries. 1991. March. Pp. 15-17.
20. Serjeantson M. S. A History of Foreign Words in English. (1935). London: Routledge and Kegan Paul, 1961.
21. Добродомов И. Г. Буртаский язык — исчезнувший аланский диалект в Среднем Поволжье // Uralo-Indogermanica: Материалы 3-ей балто-славянской конференции (18-22 июня 1990 г.). М., 1990. Ч. 2. С. 64-70.
22. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1981. Т. I.
23. Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
24. Аникин А. Русский этимологический словарь. М., 2017. Вып. 2 (б — бдынъ).
25. Герберштейн С. Записки о Московии. М., 2008. Т. I.
26. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964.
27. Эдельман Д. И. Проблемы исторической лексикологии иранских языков и «Этимологический словарь иранских языков» // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 3-23.
28. Герценберг Л. Г. Хотаносакский язык. М., 1965.
29. Bailey H. W. Dictionary of KhotanSaka. Cambridge; London; New York; Melbourne, 1979.
30. Bailey H. W. Saka documents: text volume. Corpus inscriptionum Iranicarum: Part 2: Inscriptions of the Seleucid and Parthian periods and of Eastern Iran and Central Asia. London, 1968. Vol. 5.
31. Macdonell A. A. Vedic Mythology. Grundriss der Indo-Arischen Philologie und Altertumskunde. Strassburg, 1897. Vol. 3. Pp. 58-62.
32. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1987.
33. Дзицойты Ю. А. Вопросы осетинской филологии. Цхинвал, 2017. Т. 1.
34. Чёнг Дж. Очерки исторического развития осетинского вокализма. Владикавказ, 2008.
35. Гимбутас М. Балты. Люди янтарного моря. М., 2017.
36. Рона-Таиш А. Проблемы периодизации и источники истории чувашского языка // Проблемы исторической лексикологии чувашского языка: Труды ЧНИИ. Чебоксары, 1980. Вып. 97. С. 3-13.
37. Turner R. L. A Comparative Dictionary of the Indo-Aryan Languages. Oxford, 1966.
38. Камболов Т. Т. Очерк истории осетинского языка. Владикавказ, 2006.